

С принцессой Яньань связана ещё одна история. В день моего рождения отец как раз получил известие о разгроме туфаньских войск. Обрадовавшись, он нарек меня «Тайпин» и даже хотел пожаловать титул принцессы Чанъань. Но сановники возразили: уезд Чанъань — столичная территория, её нельзя так просто отдавать в удел. Тогда матушка предложила изменить титул на принцессу Чанлэ. Однако он совпадал с титулом той самой бабушки. Нынешние времена чтут сыновнюю почтительность, и я, как младшая, должна была бы уступить. Но матушка просто издала указ, переименовав бабушку в принцессу Яньань. В нашей династии не было уезда Чанлэ, но матушка выделила под него богатый округ из ближних земель. Когда мне исполнилось десять, из этого уезда выбрали триста пятьдесят многолюдных семей (с семьёй и более мужчинами в каждой) в качестве моего реального удела. Так впервые было нарушено установленное прадедом правило: «Удел принцессы не должен превышать трёхсот семей». В прошлом году, когда я ушла в монастырь, отец добавил мне ещё триста семей — все с четырьмя-пятью мужчинами. Так что, хоть я и младшая по положению, мой удел по числу душ — самый большой среди всех великих принцесс, принцесс старшего поколения и обычных принцесс. Принцесса Яньань, хоть и носила титул великой принцессы с уделом в девятьсот семей, имела в нём лишь семьи среднего достатка, по три мужчины в каждой. Так что по численности её удел даже уступал моему. Потому-то эта бабушка и относилась ко мне ещё холоднее, чем к прочим младшим родственникам.

Честно говоря, никто из нас не жил за счёт этих уделов. Даже если брать по три куса шёлка в год с каждого мужчины по системе цзу-юн-дяо, и не учитывать прошлогоднюю засуху, когда шёлк подешевел, а рис вздорожал, а считать по полторы тысячи монет за кусок, годовой доход с удела составлял всего пять-шесть тысяч связок. В прошлом году я столько же получила в виде разовых подарков шёлком, не говоря уже о золоте и серебре. Но, видимо, именно оттого, что мне так везло, бабушка Яньань смотрела на меня всё недоброжелательнее. Лишь сегодня, увидев её, я всерьёз задумалась о своих доходах. Не считала — жила припеваючи, а подсчитала — и вдруг опечалилась, вспомнив о госпоже Ян и Вэй Хуань. Госпожа Ян крала годами, но смогла накопить лишь десять тысяч связок, заплатив за это жизнью. А месячного жалованья отца Вэй Хуань не хватило бы даже на мелкую подачку, какую я раздаю служанкам. И это — люди, о которых я забочусь, которые у меня на сердце, и семьи у них — чиновные. Что уж говорить о простых служанках и простолюдинах — их жизнь, наверное, и вовсе была горькой. В том далёком будущем, хоть и существовала пропасть между богатыми и бедными, большинство людей всё же могли прокормиться. А как здесь? Едят ли они досыта? Как живут? Молодёжь, может, тоже, как я в прошлой жизни, ленится, уваливает от дел, думает только об играх и забавах? Родители, может, тоже твердят с тревогой: «Найди хорошую работу, выйди за хорошего мужчину / женись на хорошей девушке, поскорее роди детей — мы присмотрим»? Хоть сейчас мне и нельзя покинуть дворец, когда-нибудь я выберусь отсюда. И пойду не в знатные усадьбы, а на городские рынки и в переулки — посмотрю, как живут в эту эпоху простые люди. Кстати, Вэй Хуань как-то обещала сводить меня на Восточный рынок, но всё как-то не складывалось.

Я стояла в зале, рассеянно поддерживая беседу с роднёй, а мысли мои медленно уплывали за дворцовые стены.

Я предавалась этим думам, но, видно, кому-то не понравилось, что я витаю в облаках. Кто-то вдруг толкнул меня в бок. Я вздрогнула и очнулась. Принцесса Цяньцзинь улыбалась и указывала подбородком вперёд. Я посмотрела в том направлении и увидела перед собой принцессу Яньань — ту, что меня обычно не жаловала. Она улыбалась и звала:

— Сыцзы.

Мы обе, кажется, чувствовали неестественность такого обращения, но подавили смущение. Я

изобразила безобидную, почтительную улыбку и ответила:

— Бабушка.

Она кивнула и несколько неловко подтолкнула вперёд стоявшую рядом женщину:

— Давно не виделась с Сыцзы. Поговорите.

То была её дочь, Чжао Личжи. По старшинству она приходилась мне тёткой и обычно держалась соответственно. Но сегодня она почему-то забыла о субординации, назвала меня «Сыцзы», взяла за руку и затараторила: читала ли я в последнее время? Книги вроде «Женских добродетелей», «Внутренних наставлений», «Примеров для женщин» — очень увлекательны! Его Величество Небесный император мудр и милостив, императрица Тяньхоу просвещённа и добродетельна, мне, мол, крупно повезло с такими родителями, и мне следует у них учиться...

Люди так разнятся! Мои подруги-спутницы, хоть и были разными, никогда не раздражали меня разговорами. А такие, как Цуй Мин-дэ или Вэй Хуань, и вовсе вызвали желание быть ближе. Но едва эта тётка Чжао раскрывала рот, будто десять медных гонгов били у меня в ушах. Гудело, звенело, а о чём она говорит — я и слушать не хотела. Однако из уважения к принцессе Яньань пришлось терпеть. Я лишь поддакивала: «Угу», «Ага», — и вставляла, где могла:

— Кажется, уже время начинать?

Но она неумолимо перебивала. Спас меня только церемониймейстер. Я шмыгнула в толпу, пробралась сквозь неё и встала позади тётушки Синьянь. Тётушки Синьянь и Цинхэ обернулись. Синьянь подмигнула:

— Говорила же — становись с нами. Не поймали бы.

Цинхэ бросила на неё взгляд, а ко мне обратилась с улыбкой:

— Сыцзы, в ближайшие дни будь повнимательнее. Держись от этих двух подальше.

Я не совсем поняла её намёк и хотела расспросить, но в этот момент зазвучала музыка, и церемониймейстер громко возгласил начало церемонии. Пришлось поспешить за процессией. В главном зале я, собравшись, совершила положенные поклоны. Когда мужская и женская половины сошлись, я украдкой оглядела мужчин. Увидела У Чэнсы и У Саньсы в новехоньких пурпурных халатах — наверняка подарок от матушки. Хэлань Миньчжи я так и не заметила. Только тогда я окончательно расслабилась и смогла с должным вниманием пройти через все церемониальные формальности.

В полдень родители устроили пир. Меня же пересадили на почётное место, и вместе с Ли Шэном и Ли Жуем я должна была подносить вино гостям от имени родителей. С остальными всё было как обычно, но принцесса Яньань сегодня была подчёркнуто ласкова. Когда я подошла к ней, она не только сияла улыбкой, но и протянула мне пирожное:

— Тебе ещё много гостей обходить. Подкрепись для начала.

Я заподозрила неладное и вежливо отказалась. Поднося вино тётушке Цинхэ, я шепнула:

— Тётушка наверняка знает, что с ней стряслось. Скажите же! В следующий раз, как похитите какого мужчину, я за вас перед отцом словечко замолвлю.

Тётушка Цинхэ чуть не поперхнулась вином и уставилась на меня во все глаза. Рядом тётушка Синьянь громко расхохоталась. Отец с удивлением посмотрел в нашу сторону и с улыбкой спросил:

— А что там такого смешного?

Тётушка Синьянь, всё ещё давясь от смеха, отмахнулась:

— Братец, да ты везде суёшь нос! Это наши, женские, дела. Мужчинам не положено.

Отец лишь усмехнулся и не стал допытываться. Когда, обойдя гостей, я вернулась на место, Ли Шэн тихонько наклонился ко мне:

— Сыцзы, наши тётушки слишком уж своевольны. Порой говорят что попало. Ты ещё девица юная, не слушай их вздор.

Я подняла глаза и увидела, что отец, матушка и сам Ли Шэн смотрят на нас, и у всех троих нахмурены брови. Матушка даже бросила на меня строгий взгляд и беззвучно сложила губы: «Слушайся». Видимо, они заподозрили нечто неприличное. Я могла лишь горько усмехнуться.

Пир продолжался до рассвета. За это время Ли Шэн, Ли Жуй, У Чэнсы, У Саньсы и прочая приближённая молодёжь из рода поочередно выходили поздравить матушку и преподнести дары. Выступали они скорее для виду, мастерством не блистали. Зато танец Чжао Личжи явно был отрепетирован до блеска. Отец не скупился на похвалы, и наградил её куда щедрее остальных. Глядя на годы Чжао Личжи и вспоминая загадочные ухмылки тётушек Цинхэ и Синьянь, я кое-что заподозрила. Обернувшись к Ли Жую, я увидела, что он смотрит не на представление, а на меня. Поймав мой взгляд, он улыбнулся и, воспользовавшись всеобщим разгорячённым весельем и нестройностью рассадки, подобрался ко мне, толкнул локтем и с хитрой рожей спросил:

— Сыцзы, а ты чего не выступаешь?

— Да я и танцую-то неважно, — ответила я. — Да и уже выступала однажды. Зачем повторяться?

Ли Жуй разочарованно протянул: «О-о-о...» — зачерпнул палочками еду с моей тарелки, но, прежде чем отправить её в рот, положил обратно. Повернувшись ко мне, он сказал:

— Вообще-то, в прошлый раз ты танцевала очень даже ничего. Могла бы и поупражняться, родителей порадовать — глядишь, и жениха тебе получше подыщут.

<http://bllate.org/book/16278/1466256>